

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-42-53

УДК 316.74

Популярная песня в социокультурном пространстве современной России: трансформация смыслов (по материалам контент-анализа)

Екатерина Владимировна Каргаполова¹, Софья Алексеевна Малкова²,
Яна Ивановна Вершкова³, Оксана Сергеевна Глинко⁴

¹ доктор социологических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе, Высшая школа социально-гуманитарных наук,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (г. Москва)
k474671@list.ru

² студентка бакалавриата,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (г. Москва)
malkova.sof@yandex.ru

³ студентка бакалавриата,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (г. Москва)
vershkova.yanac@gmail.com

⁴ студентка бакалавриата,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (г. Москва)
oks.glinko@gmail.com

Аннотация. Популярная музыка — один из инструментов влияния на массы. Поэтому важно отслеживать направленность перемен в идеях, транслируемых в популярных песнях. Актуальность темы связана с включением России в глобальные процессы, когда межкультурная интеграция становится одним из факторов трансформации социокультурного пространства под влиянием новых правил и закономерностей музыкальной жизни. Целью данного исследования является анализ изменений смыслов популярных песен современной России. Новизна исследования заключается в следующем. На основе контент-анализа показаны общие тенденции трансформации смыслов популярных песен России с 1990 по 2021 г. Выявлен рост прослушиваний популярных песен и комментариев к ним, что свидетельствует о масштабировании воздействия на аудиторию, особенно на представителей молодого поколения. Зафиксировано снижение среднего возраста исполнителей. Определено, что основной темой песен является тема любви, которая зачастую представлена в трагичном или вульгарном контексте. Обще-ственно-значимые позитивные темы (патриотизм, политика, детство, молодость, семья) встречаются фрагментарно либо в единичных случаях. Выявлен рост количества строк песен при неизменном количестве слов с 2001 г. при падении доли раскрытия темы песен, что свидетельствует о разрушении речевой и общекультурной нормы, стремлении исполнителей к «хайпу», росту популярности, коммерческой выгоде, а не к передаче смысла текста песни. Показана специфика песенного жанра в России по трем периодам — 1990-2000 гг., 2001-2010 гг. и 2011-2021 гг. «Ревущие», тяжелороковые девяностые годы с ощущением слома общественной системы, привычных личных отношений и социальных связей сменяются попсовыми «нулевыми» с ожиданиями позитивных перемен, свободы. Период с 2011 г. характеризуется большим разнообразием стилевых направлений и не просто значительной банальностью, заурядностью текста, но также воспеванием и оправданием девиантного поведения, преобладанием

пессимистического и сексуализированного настроения, агрессии, переходящей в оскорбление. Это приводит к тому, что песня как общественное пение, объединяющее и возвышающее людей, становится дисфункциональной, деструктивной, разрушающей личность (особенно формирующуюся), социальные связи, общественную систему, социокультурное пространство страны как пространство норм и правил. Направление дальнейших исследований связано с разработкой методических рекомендаций по критериям цензурирования музыкального пространства с целью восстановления речевой нормы и традиционной для России системы ценностей.

Ключевые слова: музыка, популярная музыка, песня, популярная песня, социокультурное пространство, ценности, смыслы.

Цитирование: Каргаполова Е. В. Популярная песня в социокультурном пространстве современной России: трансформация смыслов (по материалам контент-анализа) / Е. В. Каргаполова, С. А. Малкова, Я. И. Вершкова, О. С. Глинко // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 2 (20). С. 42-53. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-42-53

ВВЕДЕНИЕ

Музыка должна объединять и возвышать людей [22, с. 375], являясь неотъемлемой частью культурной жизни общества. Еще Пифагор занимался теорией музыки «с точки зрения выявления числовых соотношений созвучий» [10, с. 84]. Как пишет А. Ф. Лосев,

«Чистое музыкальное бытие есть абсолютное взаимопроникновение бытия и небытия, т. е. абсолютное тождество логического и алогического. Музыка — вся есть форма. Она — ритм, метр, тональность и пр., т. е. то, что указывает на ту или иную сложность и оформленность ее содержания. Но она, вместе с тем, совершенно вне какого бы то ни было логического оформления и есть царство алогического и бессмысленного» [11, с. 728].

Звуки породили человеческую речь, а музыка помогает выразить чувства, эмоции, незримую глубину человеческой души. Каждый в музыке может найти свое; любой человек по-разному ее прочувствует, увидит себя, возможно, откроет что-то новое.

В условиях развития технических средств массовой коммуникации популярная музыка приобретает особый масштаб воздействия на аудиторию. Как отмечает Т. Юй, «массовая музыкальная культура в XX в. становится мировым явлением» [18, с. 100]. Популярная музыка вездесуща; она действительно служит саундтреком к нашей повседневной жизни. Действительно,

кажется, что мелодия всегда сопровождает наши повседневные ритмы: от звонка будильника до наших любимых утренних мелодий по дороге на работу и в школу, до ритмов жизни кампуса или офисной культуры [25, с. 5].

Песня — это самая распространенная и наиболее простая «форма вокальной музыки, объединяющая поэтический текст с мелодией» [5, с. 135]. При прослушивании песни задействуются когнитивные и коммуникативные составляющие речевой деятельности:

«Песня является одной из самых массовых форм литературы и искусства, занимая особое место в системе лирических жанров. В этом синтетическом, словесно-музыкальном виде искусства музыка <...> сама по себе <...> „неконкретна“, она в значительной мере неопределенна <...>. Конкретную суть песенного рассказа человек всё же узнает из словесного материала песни» [1, с. 9].

Песни всегда несут в себе какую-то идею, но не всегда мысль закончена, что дает возможность слушателю интерпретировать ее самостоятельно.

Как отмечает В. Розин, «все слышат, понимают и переживают музыку по-разному, хотя существуют характерные для времени и музыкальных аудиторий общие закономерности музыкального восприятия и жизни» [15, с. 150]. Актуальность исследования заключается в необходимости анализа таких закономерностей, которые способствуют выявлению индивидуального,

группового и общечеловеческого в социокультурном пространстве музыкальной жизни [3, с. 1]. Целью данного исследования является анализ трансформации социокультурного пространства современной России (с 1990 по 2021 г.) на материале популярных песен.

МЕТОДОЛОГИЯ

Основным методом эмпирического исследования выступил контент-анализ. Следует отметить, что

«с помощью контент-анализа устанавливаются не только характеристики документальных источников, но и особенности всего коммуникационного процесса: социальные ориентации и установки коммуникатора; ценности и нормы <...> контент анализ позволяет создать картину видения, которая создается в обществе посредством СМИ. Поэтому все определения контент-анализа подчеркивают его объективный характер» [14, с. 13].

Таким образом, контент-анализ будет тем инструментом, который способствует выявлению явных (демонстрируемых) и неявных (скрытых) установок авторов и исполнителей популярных песен, степень и эффекты воздействия данных установок на аудиторию.

Объектом исследования является популярная песня современной России. Эмпирической базой данного исследования стали тексты 300 песен трех временных периодов: 1990-2000, 2001-2010 и 2011-2021 гг. (по 100 на каждый промежуток времени, песни отбирались по популярности просмотров). Анализ производился с помощью таких платформ, как Apple Music, VK Музыка, YouTube, Spotify, SoundCloud, Google. Исследовательский инструментарий включает в себя такие единицы анализа, как тематика, жанровое направление песен, и такие единицы счета, как демографические характеристики исполнителей, количество слов, строк, наличие нецензурной лексики, количество просмотров и прослушиваний и т. д. Это позволило рассмотреть и проанализировать изменения смыслов самых популярных песен, предпочтений их аудиторий с 1990 по 2021 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Что касается аудитории музыкальных композиций, то песни 1990-2000 гг. слушает преимущественно взрослое поколение (72%). Песни 2011-2021 гг. находят свою аудиторию среди всех поколений, но основной является молодежь (45%). Количество прослушиваний увеличивается с каждым годом выпуска. Очевидно, что молодежь больше слушает музыку в социальной сети «ВКонтакте», чем взрослое поколение. Следовательно, современные песни имеют больше прослушиваний (у 45% песен периода 1990-2000 гг. — менее 100 тыс. прослушиваний, но у 43% песен 2011-2021 гг. — от 100 тыс. до 1 млн прослушиваний).

Большинство музыкальных композиций из чартов каждого периода на платформе YouTube набирают свыше 1 млн просмотров. Песни с 1990 по 2010 г. набирают в большинстве от 10 тыс. до 100 тыс. лайков, а клипы с 2011 г. — от 100 тыс. до 1 млн лайков. Говоря об отрицательных оценках, можно сказать, что практически все ролики набирают как минимум 500 дизлайков, при этом нужно учитывать, что в связи с увеличением количества просмотров и лайков нынешних клипов количество дизлайков также значительно возрастает. Это свидетельствует о масштабировании степени воздействия современных песен на аудиторию, особенно молодежную. В связи с этим показательны результаты, полученные нами в ходе контент-анализа, относительно личности исполнителей, тематики и текста песен.

В 1990-2000 гг. наиболее популярными были исполнители мужского пола (88%), в 2001-2010 гг. — женского (52%), также появляются дуэты мужчин и женщин (9%). С 2011 г. снова становится более востребованной песня в исполнении мужчин (73%). Предположительно, это связано с тем, что значительную часть аудитории современной популярной песни в России составляют представительницы женского пола, которые оказываются под влиянием молодых, красивых и успешных исполнителей. В период 1990-2000 гг. средний возраст исполнителя популярной музыки был 30-45 лет (62%), тогда как с 2001 г. в чартах стали преобладать молодые музыканты в возрасте от 18 до 30 лет (72%).

По результатам исследования тематики песен мы можем утверждать, что в каждом из трех исследуемых нами периодов на первом месте — тема любви (45% по всему периоду исследования), что зафиксировано и другими исследователями [см., например, 9, с. 8; 12, с. 64]. Далее следуют песни, тематика которых связана с девиантным поведением (10%), сексом (8%), одиночеством и расставанием (по 6% соответственно), а также разлукой (4%). Позитивные и социально значимые темы, такие как патриотизм и дружба, упоминаются в 5% самых популярных песен; семья — всего в трех песнях (1%), детство и молодость, свобода, политика — в единичных случаях.

Основные темы 1990-х гг. — любовь (29%), одиночество (18%), расставание (9%). Из этого следует, что в песнях данного периода акцентируются чувства между мужчиной и женщиной, чаще в отрицательном контексте. В «нулевые» годы XXI в. тема любви становится главенствующей (59%), далее с большим отрывом следуют темы секса и разлуки (по 6% соответственно). С 2010 по 2021 г. основные темы — любовь (47%), секс (15%), девиантное поведение (8%). Таким образом, тема любви также занимает первое место, но эти чувства описываются через призму секса и непринятого в обществе поведения, которое якобы помогает справляться с неудовлетворенностью в романтических чувствах. Смыслы песен, т. е. их суть, основное содержание, определяющее личностную значимость, всё больше сводятся к физическим, а не к духовным потребностям, а такие темы, как дружба, патриотизм, детство и молодость — к минимуму в современной российской музыке. Позитивная тематика песен чаще встречается в песнях 1990-х гг., что зафиксировано и другими исследователями данного периода и объясняется условиями реформирования, обусловившими жанрово-стилевое разнообразие музыкального искусства при сохранении преемственности «традиций советской песенной классики, включающей песни гражданского звучания, военные, лирические» [8, с. 171].

Положительное отношение к теме песен является преобладающим (60%), отрицательное же

отношение зафиксировано только в том случае, если в песне описана негативная сторона темы сквозь призму страданий (30%). И в 10% текстов песен отношение нейтральное. С 1990 по 2000 г. зафиксировано некоторое преобладание пессимистического настроения песен (36%). В то же время 31% песен — с благожелательным настроением. В 2001-2010 гг. преобладает благожелательный и оптимистический настрой (по 27%, соответственно). Период с 2011 по 2021 г. характеризуется пессимистическим настроением (39%), в то время как оптимистический посыл зафиксирован только в каждой пятой песне. Таким образом, период 2001-2010 гг. можно назвать некоторым «пиком счастья» в российском обществе, что подтверждается и дальнейшим анализом результатов нашего исследования.

С 1990 по 2000 г. среди направлений популярной песни преобладает рок (74%), что может говорить о том, что общество через песни пыталось заглушить некоторую боль и переживания, т. к. основные темы этого периода направлены на передачу страдания, грусти о любви. Каждая четвертая песня в этот период — в стиле поп, 2% — шансон.

В 2001-2010 гг. преобладающей стала поп-музыка (79%). Поп-музыка всё больше усваивает композиторскую практику хип-хопа и электронной танцевальной музыки (electronic dance music, EDM). Этот сдвиг обусловлен появлением нового поколения цифровых звуковых рабочих станций (digital audio workstation, DAW). Они в меньшей степени основаны на логике студии звукозаписи и в большей — на комбинации управляющих петель и сетевой логики культуры повсеместных компьютеров [23, с. 113]. 14% песен данного периода в стиле рок, по 3% — рэп и хип-хоп. Песни более позитивные и адресованы массовому потребителю, в них больше свободы, как в тексте, так и в музыке. Возможно, это было связано с изменением общественно-политических настроений, мыслями о новом будущем, свободе и счастливой жизни после «ревущих» девяностых. Здесь и тема любви раскрывается в основном в позитивном контексте.

С 2011 г. преобладает поп-музыка (42%), но также значительное место начинают занимать такие жанры, как хип-хоп (26%) и рэп (22%). 9% сохраняется за роком и 1% — за шансоном. Каждый исполнитель в собственном жанре, направлении музыки пытается создать что-то свое, изменяя и дифференцируя музыкальные предпочтения аудитории.

В период с 1990 по 2000 г. в самых популярных песнях содержится в среднем 25 строк и 101-250 слов, с 2001 по 2010 г. — 30 строк и 201-300 слов, с 2011 по 2021 г. — 40 строк и 201-300 слов. Таким образом, количество строк

растет, но количество слов с 2001 г. остается неизменным, что требует осмысления. При этом с течением времени тема песни как элемент анализа начинает раскрываться все хуже (рис. 1-3). Это свидетельствует о трансформации способов воздействия на сознание людей в популярных песнях: из песен уходит смысл (вместе с количеством слов), исполнители опираются больше на «хайп» своих тем, т. е. на целенаправленное разогревание интереса к чему-либо временному или ничем не примечательному [12, с. 80], и необычную музыкальную обработку, нежели на текстовое и смысловое содержание.

Рис. 1. Раскрытие элемента анализа (1990-2000 гг.)

Fig. 1. Disclosure of the analysis element (1990-2000)

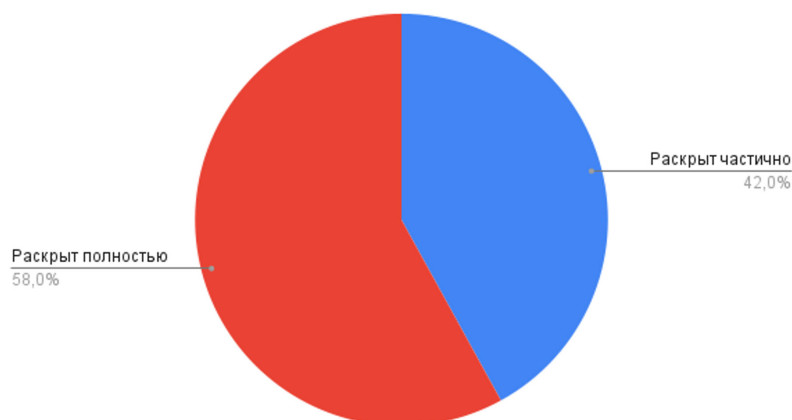

Рис. 2. Раскрытие элемента анализа (2001-2010 гг.)

Fig. 2. Disclosure of the analysis element (2001-2010)

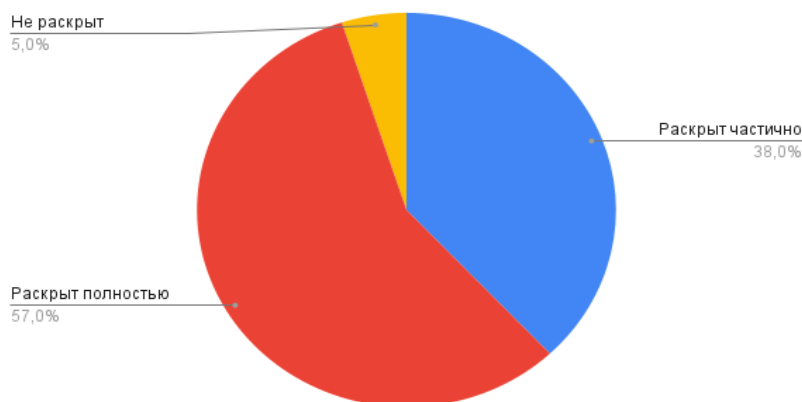
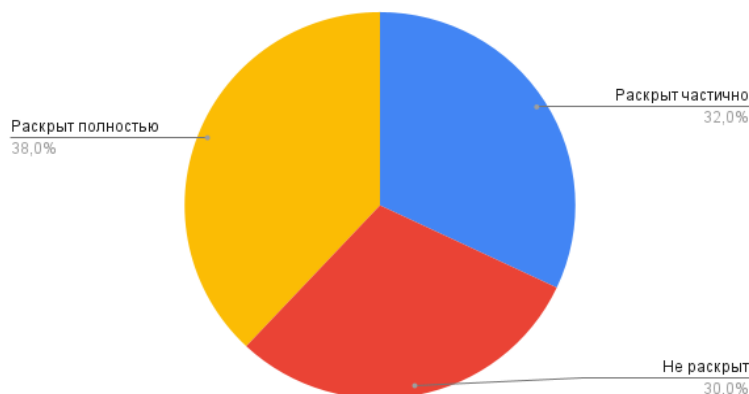

Рис. 3. Раскрытие элемента анализа (2011-2021 гг.)

Fig. 3. Disclosure of the analysis element (2011-2021)

В 1990-е гг. ненормативная лексика вовсе не использовалась в музыкальных композициях. Авторы и исполнители не позволяли себе этого в песнях, которые, согласно системе ценностей и воспитанию людей того времени, позиционировались как продукт культуры. С 2001 по 2010 г. лишь в 2% песен присутствовало незначительное количество нецензурной лексики, а с 2011 г. уже каждая пятая популярная песня содержала незначительное, а каждая десятая — значительное количество obscene лексикой. Это говорит о снижении уровня речевой и общей культуры исполнителей, утраты ими осознания ответственности за подрастающее поколение. Именно данное поколение, как мы уже отмечали выше, является основной аудиторией современных исполнителей в условиях развития информационных технологий и легкого доступа к информации, к песням, которые не соответствуют возрасту и степени сформированности системы ценностей молодежи.

Как отмечает А. М. Алкон, «музыка обладает способностью своими эстетически оправданными средствами выражать процессы, связанные с жизнедеятельностью человека <...>. В ней есть свои генетические коды, детерминирующие факторы» [2, с. 103]. Так, например, городская среда 1960-1970-х гг. Кельна и Западного Берлина обеспечивала музыкально-культурные и политические условия, которые стимулировали не только протест, но и создание и исполнение протестной музыки.

«Таковы были, как это ни парадоксально, долгосрочные результаты реорганизации Германии после 1945 г. В обоих городах были живые авангардные музыкальные сцены с музыкантами со всего мира, а также общинные обиды, вызывавшие протест и протестную музыку; Западный Берлин был дополнительно отмечен своим особым статусом демилитаризованной зоны и замурованного города» [20, с. 321].

А популярные песни телевизионной эстрады этого же периода в СССР «зачастую невольно, но очень точно отражали негласную смену устремлений и идеалов, происходившую в этот период в советском обществе» [6, с. 122]. На наш взгляд, истоки процесса, результатом которого стало «нормирование» девиаций (использования нецензурной лексики в текстах песен, например), необходимо искать именно в этом периоде советской жизни.

Социальные и культурные изменения, происходящие в современном мире, привели к разрушению традиционных аксиологических систем, созданию единого мирового информационного пространства, формированию музыкальной жизни с иными принципами и законами развития и функционирования [20, с. 74]. Условия глобализации общества трансформируют смыслы и коды современных песен не только в социокультурном пространстве России, но и других стран. Глобальная интеграция специфически воздействует на национальную и региональную уникальность.

Так, в частности, песня, которая в XIX в. в исполнении легендарной румынской певицы М. Тэнасе была трагическим шедевром городского фольклора, в 2014 г. на Международном фестивале Urban Voices в Нанте в интерпретации молдавской джазовой певицы Д. Бурлаку превратилась в варварский языческий ритуал. Не совсем ясно, кто всё же исполнял песню [23, с. 160]? Причем, например, в современном японском песенном дискурсе прецедентные имена-антропонимы не только не остались в изначальном, исконном понимании, но получили либо несколько значений, либо радикально поменяли смысл. А ведь основной аудиторией данных песен являются, как правило, молодежь и подростки, и количество просмотров — более 2-3 млн [15, с. 130].

В СССР утеря патриотичного характера песен и сексуализирование подаваемой информации наблюдались уже в 1980-е гг. На примере популярной в 1980-е гг. передачи «Утренняя почта» Д. А. Журковой

«выявляется решающая роль телевидения в формировании культа цивилизационных благ и особого статуса „звездных“ артистов, несмотря на то, что данные процессы фактически шли вразрез с официальной политикой и идеологией» [7, с. 135].

Как отмечает Н. А. Вострякова, русские песни должны отражать национальную картину мира, специфику национального характера. Но

«современные песни неоднозначны с точки зрения своей художественной ценности <...>. Являясь продуктом массового искусства, они создаются в кратчайшие сроки с расчетом на обывателя, мало задумывающегося об их эстетических качествах, и <...> носят развлекательный, коммерческий характер. Для многих современных русских популярных песен характерны нивелированность индивидуально-авторского начала, стереотипность ситуаций и художественных образов, стандартизованность, упрощенность лексикона и примитивность представлений о мире, свойственная массовой аудитории. Зачастую в них дискредитируются основополагающие человеческие ценности, обнаруживается большое количество культурно-речевых нарушений, эстетическая и стилистическая сниженность» [4, с. 99].

По мнению О. С. Кострюковой, популярная лирическая песня отражает негативную картину разрушения русского языка и

«проявляется в неточности смыслового употребления слов, ослаблении и нарушении падежного управления, злоупотреблении иноязычной лексикой, использовании средств речевой агрессии, преобладании просторечных, жаргонных слов и конструкций» [9, с. 9].

Таким образом, зафиксированное нами уменьшение количества слов при увеличении количества строк в текстах песен далеко не безобидно.

Национальной катастрофой, приводящей к еще большему снижению речевой культуры, является массовое тиражирование в популярных песнях логических, грамматических и орфоэпических ошибок; употребление слов-паразитов, нецензурной лексики, коротких, односоставных предложений для уподобления устной речи; «стремление к упрощению и сжатию текстового компонента. Так, припев популярной песни может состоять из одного-двух слов или звукоподражаний» [13]. Как пишет А. В. Шевчик, форсированная экспрессивность, простота структуры, мелодичность, стилистическая пестрота при доминировании всё более раскрепощающегося разговорного стиля, наличие рифмовки и ритма являются приемами суггестивного воздействия на аудиторию, целью которого может быть даже разжигание вражды и ненависти. А текст популярной песни может наделяться экстремистскими смыслами [17, с. 124-125].

Действительно, доминирующей темой популярной песни современной России является любовь. Но

«сюжет современной песни о любви ограничен небольшим количеством сценариев, зачастую с трагичной окраской: зарождение романтических чувств, неразделенная любовь, расставание и т. п. Помимо этого, в поп-песне происходит своеобразная вульгаризация чувства, это можно обнаружить при анализе оценочной лексики, используемой для описания объекта любви <...>. Так, в песне о любви часто встречается бранная лексика и слова с сильным пейоративным потенциалом (при этом обладающие довольно высокой отрицательной оценочностью): среди распространенных — сумасшедший, дурак/

дура, стерва, подлец и т. д. <...>. В данном случае поп-музыка отражает тенденцию к появлению положительных коннотаций у слов с инвективной или деструктивной семантикой, еще некоторое время назад считавшихся оскорбительными. Как уже упоминалось, в поп-музыке культивируется агрессивный подход к половым отношениям, приводящий к появлению таких текстов, как „Сучка моей мечты“ („Booker“) [13, с. 64-65].

ВЫВОДЫ

Проведенный контент-анализ показал, что три временных периода существования популярной песни в современной России имеют значительные различия. Но прослеживается также общий вектор трансформации кодов и смыслов песен. Это происходит в связи с колоссальным изменением ценностей общества, отношению к самой музыке. Раньше исполнители «отдавались» своему творчеству с душой, с желанием донести свои идеи и мысли слушателям. Однако на данный момент современный музыкант нацелен на извлечение коммерческой выгоды, рост популярности, «хайпа».

Если с 1990 по 2000 г. присутствовали такие темы, как политика, патриотизм, война, ностальгия, то в следующие два десятка лет эти темы не встречались ни в одной проанализированной нами песне. Однако выросла доля других тем, таких как секс, девиантное поведение, расставание, что говорит о росте материальных, физиологических потребностей исполнителей и аудитории. Раньше в песнях поднимались значимые общественные вопросы, а сейчас исполнитель песни направляет свое творчество в основном на демонстрацию своих личных переживаний, проблем, интересов, из-за чего у слушателя может сложиться такая же

картина мира, не всегда адекватно отражающая современную действительность.

Песни должны воодушевлять людей, быть в некотором смысле эмоциональной поддержкой, отдушиной. Вместе с этим можно увидеть, что с течением времени песни «продвигают» не «высокие» чувства, а, напротив, физические потребности, непристойные или даже незаконные поступки, т. к. именно это может сейчас заинтересовать современную публику. Раньше люди слушали мелодичные песни, находили смысл в словах. Сейчас же такие жанры как поп, рэп, хип-хоп заставляют отвлекаться на бит, мотив, мелодию, а не вникать в суть, смысл песни, которого может вообще не быть. Преобладает пессимистический и сексуализированный настрой информации, с помощью которого человек может высмеять, оскорбить кого-то определенного. Это может негативно отразиться на ценностях подрастающего поколения и даже ценностях уже взрослых людей, если они будут слушать данную музыку постоянно.

Мы начали данную статью с мысли о том, что музыка должна объединять и возвышать людей. А общественное пение, по мнению исследователей, создает социальные связи, является эффективным способом объединения людей и создания чувства общности [19, с. 391].

Результаты нашего исследования показали, что популярные песни современной России, напротив, всё больше способствуют разрушению личности и социальных связей, деструкции социокультурного пространства как пространства норм и правил. Таким образом, можно поставить под сомнение тот факт, что многие современные песни являются действительно продуктами культуры, имеют вообще какое-то отношение к музыке и музыкальной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абанина Е. А. Лексические средства формирования структуры патриотической песни (на материале русских и французских песен) / Е. А. Абанина, А. А. Пашенко // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации. Материалы I Международной научно-практической интернет-конференции. 2016. № 1. С. 8-12.
2. Алкон Е. М. Антропология музыки и ладовые архетипы (к проблеме освоения универсалий музыкального языка) / Е. М. Алкон // Вестник кафедры ЮНЕСКО Музыкальное искусство и образование. 2018. № 3 (23). С. 101-119.
3. Богданов А. В. Контент-анализ содержания современных музыкальных хитов / А. В. Богданов // Статьи Красноярской государственной академии музыки и театра. 2016. № 1. С. 1-4.

4. Вострякова Н. А. Основные принципы работы с песней в процессе обучения русскому языку как иностранному / Н. А. Вострякова // Вопросы филологии. 2012. № 2 (41). С. 99-105.
5. Горкальцева Е. Н. Развитие когнитивно-коммуникативных умений студентов технических вузов через англоязычные песни / Е. Н. Горкальцева, В. М. Ростовцева // Язык и культура. 2017. № 37. С. 135-152.
6. Журкова Д. А. Что показывает песня? Популярная музыка на советском телевидении. Часть 1. 1960-1970-е годы / Д. А. Журкова // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 122-134.
7. Журкова Д. А. Что показывает песня? Популярная музыка на советском телевидении. Часть 2. 1980-е годы / Д. А. Журкова // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 135-141.
8. Ильичёва О. С. Трансформации отечественной песенной культуры в 90-е годы XX века (региональный аспект) / О. С. Ильичёва, Е. В. Комиссарова, Г. П. Кибасова // Проблемы музыкальной науки. 2020. № 1 (38). С. 171-176.
9. Кострюкова О. С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. С. Кострюкова. М., 2007. 24 с.
10. Курашов В. И. История и принципы философии музыки: от слова к музыке и от музыки к слову / В. И. Курашов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 83-109.
11. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики / А. Ф. Лосев // Самое-само: Сочинения. 1999. № 21. С. 700-730.
12. Мельникова А. Ю. Хайп как новый способ презентации молодежи в виртуальной среде / А. Ю. Мельникова // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 4 (67). С. 78-81.
13. Михайлова А. И. Жанровые характеристики современной популярной песни / А. И. Михайлова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 61-65.
14. Пашинян И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения / И. А. Пашинян // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3. С. 13-18.
15. Пермякова Т. Н. Анализ семантических трансформаций прецедентных имен-антропонимов в японском песенном дискурсе / Т. Н. Пермякова, А. А. Буракова // Современное педагогическое образование. 2020. № 7. С. 130-136.
16. Розин В. От анализа художественных произведений к уяснению сущности искусства / В. Розин. М.: Голос, 2022. 282 с.
17. Шевчик А. В. Жанровая специфика текста как средство речевого воздействия в материалах экстремистской направленности / А. В. Шевчик // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: достижения, перспективы, инновации. Материалы Международной научно-практической конференции / науч. ред. И. В. Пекарская; отв. ред. О. А. Вольф. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2020. С. 124-126.
18. Юй Т. Китайская популярная музыка: истоки и основания / Т. Юй // Университетский научный журнал. 2021. № 61. С. 100-106.
19. Borčák L. W. Medial conditions for social bonding in singing / L. W. Borčák, K. F. Baunvig // International Review of the Aesthetics and Sociology of Music. 2021. Vol. 52. No. 2. Pp. 391-416. URL: <https://www.jstor.org/stable/48640868>
20. Kutschke B. Protest music, urban contexts and global perspectives / B. Kutschke // International Review of the Aesthetics and Sociology of Music. 2015. Vol. 46. No. 2. Pp. 321-354. URL: <https://www.jstor.org/stable/43685246>
21. Manyakin V. I. Peculiarities of development of musical culture of the 20th century and processes of globalization / V. I. Manyakin // Science and World. 2019. No. 4-2 (68). Pp. 74-77.
22. Okoro C. The social responsibility and aesthetic efficacy of abigbo music / C. Okoro, S. Ofuani // International Review of the Aesthetics and Sociology of Music. 2020. Vol. 51. No. 2. Pp. 275-300. URL: <https://www.jstor.org/stable/26959873>
23. Pintilie-Romanenco C. New life of an old song: Romanian folklore in contemporary popular music / C. Pintilie-Romanenco // Ideological Foundations of the Culture of Modern Russia. Collection of Scientific Papers of the 9th International Scientific and Practical Conference. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2018. Pp. 160-164.
24. Reuter A. Who let the DAWs out? The digital in a new generation of the digital audio workstation / A. Reuter // Popular Music and Society. 2021. No. 2. Pp. 113-128.
25. Understanding Society through Popular Music / J. A. Kotarba, B. Merrill, P. J. Williams, P. Vannini. New York: Routledge, 2017.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-42-53

UDC 316.74

The popular song in the socio-cultural space of modern Russia: transformation of codes and meanings (based on content analysis materials)

Ekaterina V. Kargapolova¹, Sofia A. Malkova², Yana I. Vershkova³, Oksana S. Glinko⁴

¹ Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Deputy Director for Scientific Work of the Higher School of Social Sciences
and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)
k474671@list.ru

² Undergraduate Student,
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)
malkova.sof@yandex.ru

³ Undergraduate Student,
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)
vershkova.yanac@gmail.com

⁴ Undergraduate Student,
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)
oks.glinko@gmail.com

Abstract. Popular music is one of the instruments of influence on the masses, which raises the importance of tracking the direction of changes in the ideas, broadcast in popular songs. The relevance of this topic relates to the inclusion of Russia in global processes, when intercultural integration becomes one of the factors of transformation of the socio-cultural space under the influence of new rules and patterns of musical life. The purpose of this study is to analyze changes in the codes and meanings of popular songs of modern Russia. The novelty of the study is as follows. Based on the content analysis, general trends in the transformation of codes and meanings of popular songs in Russia from 1990 to 2021 are shown. The growth of listening to popular songs and comments on it was revealed, which indicates the scaling of the impact on the audience, especially on representatives of the younger generation. A decrease in the average age of performers was recorded. It is determined that the main theme of the songs is the theme of love, which is often presented in a tragic or vulgar context. Socially significant positive topics (patriotism, politics, childhood, youth, family) occur in fragments or in isolated cases. An increase in the number of lines of songs with a constant number of words since 2001 has been revealed with a drop in the share of disclosure of the theme of songs, which indicates the destruction of speech and general cultural norms, the desire of performers to “hype”, the growth of popularity, commercial benefits, and not to convey the meaning of the lyrics. The specifics of the song genre in Russia are shown for three periods: 1990-2000, 2001-2010, and 2011-2021. The “roaring”, “heavy-hearted” nineties with a sense of the breakdown of the social system, habitual personal relationships and social ties are replaced by pop “zero” with expectations of positive changes, freedom. The period since 2011 is characterized by a wide variety of stylistic trends and not just significant banality and mediocrity of the text, but also the glorification and justification of deviant behavior, the predominance of pessimistic and sexualized mood, aggression, turning into an insult. This leads to the fact that the song, as a “public singing” that unites and elevates people, becomes dysfunctional, destructive, destroying the personality (especially

the emerging one), social ties, the social system, the socio-cultural space of the country as a space of norms and rules. The direction of further research is related to the development of methodological recommendations on the criteria for censoring the musical space in order to restore the speech norm and the traditional Russian system of values.

Keywords: music, popular music, song, popular song, socio-cultural space, values, “hype”.

Citation: Kargapolova E. V., Malkova S. A., Vershkova Ya. I., Glinko O. S. 2022. “Popular song in the socio-cultural space of modern Russia: transformation of codes and meanings (based on content analysis materials)”. *Siberian Socium*, vol. 6, no. 2 (20), pp. 42-53. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-42-53

REFERENCES

1. Abanina E. A., Pashchenko A. A. 2016. “Lexical means of forming the structure of a patriotic song (on the basis of Russian and French songs)”. *Problems of Linguistics, Methods of Teaching Foreign Languages, and Literary Criticism in the Light of Intercultural Communication. Materials of the 1st International Scientific and Practical Internet Conference*, no. 1, pp. 8-12. [In Russian]
2. Alkon E. M. 2018. “Music anthropology and harmony archetypes (towards the problem of mastering the universals of musical language)”. *The UNESCO Chair Musical Arts and Education Herald*, no. 3 (23), pp. 101-119. [In Russian]
3. Bogdanov A. V. 2016. “Content analysis of the content of modern music hits”. *Articles of the Krasnoyarsk State Academy of Music and Theater*, no. 1, pp. 1-4. [In Russian]
4. Vostriakova N. A. 2012. “Basic principles of working with song in the process of teaching Russian as a foreign language”. *Questions of Philology*, no. 2 (41), pp. 99-105. [In Russian]
5. Gorkalceva E. N., Rostovceva V. M. 2017. “Development of cognitive-communicative skills of technical university students through English-language songs”. *Language and Culture*, no. 37, pp. 135-152. [In Russian]
6. Zhurkova D. A. 2015. “What does the song show? Popular music on Soviet television. Part 1. 1960-1970s”. *Observatory of Culture*, no. 3, pp. 122-134. [In Russian]
7. Zhurkova D. A. 2015. “What does the song show? Popular music on Soviet television. Part 2. 1980s”. *Observatory of Culture*, no. 3, pp. 135-141. [In Russian]
8. Ilchyova O. S., Komissarova E. V., Kibasova G. P. 2020. “Transformations of the national song culture in the 90s of the 20th century (regional aspect)”. *Problems of Musical Science*, no. 1 (38), pp. 171-176. [In Russian]
9. Kostrjukova O. S. 2007. “The text of a modern popular lyrical song in cognitive, communicative and stylistic aspects”. *Cand. Sci. (Philol.) diss. abstract*. Moscow. 24 pp. [In Russian]
10. Kurashov V. I. 2012. “History and principles of the philosophy of music: from word to music and from music to word”. *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*, no. 1, pp. 83-109. [In Russian]
11. Losev A. F. 1999. “Music as a subject of logic”. *Most-Self: Compositions*, no. 21, pp. 700-730. [In Russian]
12. Melnikova A. Yu. 2017. “Hype as a new way of presenting youth in a virtual environment”. *Cultural Life of the South of Russia*, no. 4 (67), pp. 78-81. [In Russian]
13. Mihajlova A. I. 2017. “Genre characteristics of modern popular song”. *Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, no. 4 (17), pp. 61-65. [In Russian]
14. Pashinyan I. A. 2012. “Content analysis as a research method: advantages and limitations”. *Scientific Periodicals: Problems and Solutions*, no. 3, pp. 13-18. [In Russian]
15. Permyakova T. N., Burakova A. A. 2020. “Analysis of semantic transformations of precedent names-anthroponyms in Japanese song discourse”. *Modern Pedagogical Education*, no. 7, pp. 130-136. [In Russian]
16. Rozin V. 2022. *From the Analysis of Works of Art to the Understanding of the Essence of Art*. Moscow: Golos. 282 pp. [In Russian]

17. Shevchik A. V. 2020. "Genre specificity of the text as a means of speech influence in extremist materials". Pekarskaya I. V., Wolf O. A. (eds.). *Actual Problems of Studying Language, Literature and Journalism: Achievements, Prospects, Innovations. Materials of the International Scientific-Practical Conference*, pp. 124-126. Abakan: Khakass State University named after N. F. Katanova. [In Russian]
18. Juj T. 2021. "Chinese popular music: Origins and foundations". *University Scientific Journal*, no. 61, pp. 100-106. [In Russian]
19. Borčak L. W., Baunvig K. F. 2021. "Medial conditions for social bonding in singing". *International Review of the Aesthetics and Sociology of Music*, vol. 52, no. 2, pp. 391-416. <https://www.jstor.org/stable/48640868>
20. Kutschke B. 2015. "Protest music, urban contexts and global perspectives". *International Review of the Aesthetics and Sociology of Music*, vol. 46, no. 2, pp. 321-354. <https://www.jstor.org/stable/43685246>
21. Manyakin V. I. 2019. "Peculiarities of development of musical culture of the xx century and processes of globalization". *Science and World*, no. 4-2 (68), pp. 74-77.
22. Okoro C., Ofuani S. 2020. "The social responsibility and aesthetic efficacy of abigbo music". *International Review of the Aesthetics and Sociology of Music*, vol. 51, no. 2, pp. 275-300. <https://www.jstor.org/stable/26959873>
23. Pintilie-Romanenco C. 2018. "New life of an old song: Romanian folklore in contemporary popular music". *Ideological Foundations of the Culture of Modern Russia. Collection of Scientific Papers of the 9th International Scientific and Practical Conference*, pp. 160-164. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov.
24. Reuter A. 2021. "Who let the DAWs out? The digital in a new generation of the digital audio workstation". *Popular Music and Society*, no. 2, pp. 113-128.
25. Kotarba J. A., Merrill B., Williams P. J., Vannini P. (eds.). 2017. *Understanding Society through Popular Music*. New York: Routledge.